

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2020, №1, Том 8 / 2020, No 1, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-1-2020.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/53PDMN120.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Беленчук Л.Н. Отечественная духовная школа в трудах Георгия Флоровского // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №1, <https://mir-nauki.com/PDF/53PDMN120.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Belenchuk L.N. (2020). Domestic theological school in the works of George Florovsky. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 1(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/53PDMN120.pdf> (in Russian)

УДК 37

Беленчук Лариса Николаевна

ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», Москва, Россия
Старший научный сотрудник
Кандидат исторических наук

Отечественная духовная школа в трудах Георгия Флоровского

Аннотация. Статья посвящена концепции становления и развития русской духовной школы Г.В. Флоровского с ее возникновения до начала XX века. В ней анализируются основные периоды и направления создания системы духовного образования в России, идеи реформ духовной школы, начиная с Петра Великого, деятельность митрополита Филарета (Дроздова), проекты реформ духовного образования в Александровскую эпоху.

Ключевые слова: духовное образование; духовная семинария и академия; реформы Петра Великого; просвещение; митрополит Филарет

Выдающийся русский философ и богослов, о. Георгий (Флоровский), проведший большую часть жизни в эмиграции (Прага, Париж, США и др.) является автором ряда теоретических научных трудов, важнейшим из которых является книга «Пути русского богословия», опубликованная в 1937 году. Книга эта – попытка рассмотреть в совокупности, в развитии – с зарождения и до первой мировой войны русскую богословскую традицию, и через ее становление – основные черты русского духовного просвещения. К этой книге Флоровский шел долгим путем. С начала 20-х гг. семья Флоровских покинула Россию и переселилась в Софию, а позже Г.В. Флоровского пригласили преподавать философию права на Русском юридическом факультете (1923–1926) в Праге. Здесь и сложились основные идеи этого труда, который в целом был закончен в 1926 г.

В эти годы Флоровский стал одним из основателей евразийского движения, участвовал в евразийском сборнике-манифесте «Исход к Востоку» (1921). Постепенно вошел в идейный конфликт с лидерами движения и в конечном счете расстался с евразийством. В 1926 Флоровский переехал в Париж. С 1926 он – профессор кафедры патрологии Русского Свято-Сергиевского института богословия в Париже. Лекционные курсы по истории патристики стали основой двухтомного исследования: Восточные отцы IV в. (Париж, 1931) и Византийские отцы V–VIII вв. (Париж, 1933).

В 1932 Г.В. Флоровский принял сан священника.

В 1948 о. Георгий, как и многие наши соотечественники, переехал в США. С 1948 был профессором, а затем деканом Свято-Владимирской семинарии и духовной академии в Нью-Йорке. Участвовал в экуменическом движении, избирался в исполнительный комитет Всемирного совета церквей (1948). Надо признать, что экуменизм для о. Георгия не какое-то безличное соединение разных церквей, но попытка вернуть вселенскость православия, сделать его первенствующей христианской религией. В последние годы жизни преподавал в Принстонском университете, умер 11 августа 1979 г. в Принстоне (США).

«Пути русского богословия» – главнейший труд жизни о. Георгия Флоровского. В нем, наряду с историей богословской мысли раскрывается и путь, который прошла русская духовная школа, т. к. эти две темы неотделимы друг от друга.

Флоровский показывает, что именно западная граница Руси стала одним из главных путей и очагов стимулирования развития отечественного образования и духовной школы. Именно оттуда появляется импульс развитию просвещения в стране. Возможно, это – следствие противостояния на стыке цивилизаций, культур, религий. Если до XV–XVI веков таким импульсом развития для отечественного просвещения была культура просвещенной Византии, то в эпоху Ивана Грозного акценты сместились.

С Петра Могилы началось распространение школьного просвещения сначала в Юго-Западном крае, а затем и во всем Московском царстве. Выросший в лоне влияния польского просвещения, Петр и школы устраивал по образцу иезуитско-католических учебных заведений. Флоровский предполагает, что у Могилы был план создания по всему краю сети латино-польских школ для православного населения. Это был мощный западнический прорыв в образовании. Два воспитанника этого влияния – Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский, сподвижники Петра I, сыграли огромную роль в русском просвещении. Флоровский прямо считает их адептами латинской школы на Руси. Такая их роль предполагала всемерное сопротивление развернувшемуся в Западной Европе и задевшему Россию (многочисленные ереси и внутренняя политика петровского времени) движению Реформации.

XVII век стал веком борьбы за установление начал просвещения. «Московское «невежество» XVII-го века, писал о. Георгий, – не следует преувеличивать. Не хватало не столько знаний, сколько перспективы, культурной и духовной» [4, с. 111]. Киевскую образованность о. Георгий характеризует так: «Сложилась школьная традиция, возникла школа, но не создалось духовного и творческого движения. Сложилась подражательная и провинциальная схоластика, именно «школьное богословие», *theologia scholastica*. Это обозначило некую новую ступень религиозно-культурного сознания. Но в то же время богословие было сорвано с его живых корней» [4, с. 81].

Результатом борьбы между славяно-греческой и латинской партиями стало учреждение в 1687 г. славяно-греко-латинской академии. Симеон Полоцкий, составлявший ее проект, предполагал изучение не только греческого и славянского языков, но и латыни и польского. Это по его плану должна быть не только школа, но «некий учено-распорядительный центр с очень широкими полномочиями для наблюдения за культурной деятельностью вообще» [4, с. 81]. Позже этот проект был переработан в плане усиления греческой составляющей. После ухода ее учредителей – братьев Лихудов, школа все более стала переходить на «латинские рельсы». Киевские учителя и духовные лица, в огромном количестве наводнившие Москву, наращивали влияние польско-католического просвещения. Противодействием этой линии оставалась лишь образованность Великого Новгорода, где митрополит Иов, устроивший училище при своем архиерейском доме, опирался на славяно-греческую книжность.

В Духовном регламенте (1721) Петром обозначена связная программа школьного учения, которое признается главным условием положительного развития государства и народа,

средством борьбы с суеверием (под которым часто подразумевается мистическая сторона Церкви), с ересями. Примером для него является Киевская академия, подобную которой надо учредить и в центральной России. Это единая школа, многолетняя и многоступенчатая с надстройкой из богословского и философского класса как завершения образования. Петровскую образовательную реформу Флоровский характеризует как «украинизацию» в прямом смысле этого слова. Учителя все были из Малороссии, со своим своеобразным выговором, часто малопонятным ученикам, со своим культурным багажом и понятиями. Предметы в основном преподавались на латыни. Под именем науки понималась эрудиция, «ученость». Петровская духовная школа никогда не имела авторитета ни в народе, ни в духовенстве, «ибо создавалось гнетущее впечатление, что в этой нововводной школе меняют, если еще и не веру, то национальность...» [4, с. 136]. В ней не столько насаждались общечеловеческие и общеевропейские начала, сколько вводилась западноевропейская схоластика и рутина. По мнению Флоровского, в этот период католическое влияние на отечественное просвещение так усилилось, что стало представлять собой опасность уклонения просвещения с святоотеческого православного пути.

Таким образом, петровская школа, развиваясь в двух сталкивающихся направлениях – светском и духовном, тем не менее, все же была первой попыткой построить образовательную систему. И если в светской ветви (цифирные, технические и пр. школы) она не имела длительного успеха, то в духовной (академия, семинарии и архиерейские школы) – начала укрепляться и развиваться. Другое дело, что развитие это не было поставлено на рельсы отечественной традиции, но основывалось на опыте католических и протестантских учебных заведений, но откуда-то опыт нужно было перенимать, так что во многом это было неизбежностью. Да и учителей тоже приходилось брать с западноевропейским образованием. Тем не менее, идеи и даже попытки создать свою собственную школу, на основе славянской книжности, тоже были. Это, прежде всего, предположения и предложения Ивана Посошкова, а также школа митрополита Иова в Новгороде.

О. Георгий пишет о духовной школе: «Не следует уменьшать объем ученых и даже учебных достижений XVIII века. Во всяком случае, это было очень важный культурно-богословский опыт. И по всей России раскинулась довольно сложная школьная сеть. Но все это «школьное» богословие было в собственном смысле беспочвенным. Оно возшло и возросло на чужой земле. Точно надстройка над пустым местом...и вместо корней – сваи...» [4, с. 114]. Последствия разделения школы на духовную и светскую состояли и в отгораживании духовного сословия от всех остальных, замыкание его в своих границах, а значит – и в уменьшении его точек соприкосновения с обществом и влияния на всю социальную среду.

Серьезные изменения отмечает о. Георгий в духовной школе Александровского времени. Духовные академии стали первыми центрами изучения немецкого идеализма. Именно там закладывались основы отечественной философской культуры. Александровские реформы в 1805–1808 гг. организовали систему духовных школ по образцу светских: Академия как высшая духовная школа, центр учебной территории и научный центр, семинария как высшее учебное заведение в своей епархии и низшие духовные училища – епархиальные и приходские. В познании религиозном главные составляющие – изучение древних языков, а также языка славянского и русского, церковной и священной истории, богословия, соответственно, эти области знания становились и содержанием образования.

Таким образом, главной целью духовного образования предполагалась ученость. Московская академия переводилась в Троице-Сергиеву лавру; в 1809 г. открывается Санкт-Петербургская духовная академия. Г.В. Флоровский отмечает, что «вместо служилой идеологии XVIII века вся система построена теперь на подлинной педагогической основе» [3, с. 145]. Цель обучения в александровскую эпоху – не служилый человек, как в XVIII веке, но

личность. Задача обучения определяется как раскрытие собственных сил учащихся и развитие их разума. Особое значение придается поэтому написанию сочинений и различных письменных творческих заданий на всем протяжении обучения. Важным было и принципиальное осуждение засилья латыни в духовных школах. Но переход на русский язык преподавания происходил постепенно: вопрос этот разрешался не указом, а явочным порядком. К 20-м годам почти все духовные учебные заведения перешли на русский.

Автор подробно разбирает педагогическую деятельность митр. Филарета, который имел богатый преподавательский опыт в духовной школе, а с 1812 г. стал ректором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1810–1817 г. он составил полный курс богословских наук для преподавания в академиях и семинариях. «Привлекал учеников так к слушанию себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития» [3, с. 169]. Митрополиту Филарету у Флоровского посвящена и отдельная статья – «Филарет, митрополит Московский» (1927), в которой подробно оценивается его педагогическая деятельность. В 1810 г. он был вызван в Петербург для преподавания в реформированной Академии. Ему при этом пришлось читать полный курс всех богословских наук практически по первоисточникам, т. к. отечественной литературы еще не было создано. Флоровский определяет три основы педагогики митрополита Филарета: (1) полная богословская свобода и творчество; (2) переход на отечественное богословие, вернее сказать, **создание** его, начинающееся с перехода преподавания на русский язык; (3) богословствование по первоисточникам, прежде всего, по Священному Писанию и древним Отцам Церкви. Это было гораздо важнее, чем формальная реформа духовного образования. Владыка Филарет к тому же всех призывал рассуждать, богословствовать в своем роде; богословие не должно было быть, по его мнению, только школьным предметом. **«Он не боялся пробудить мысль, хотя хорошо знал соблазны мысли»** [3, с. 268].

Это было важно для отечественного просвещения, поскольку давало мощный импульс его развитию. Например, известный русский философ Л.П. Карсавин трагичной чертой отечественной культуры считал «мистический сон», неподвижность, обусловленную мечтой об идеале, Абсолюте: «стремление к абсолютному становится вялою мечтой лежебока, а абсолютное теряется. Если же нет абсолютного, утрачивают всякий смысл нормы нравственности и права, ибо вне отношения к абсолютному для русского человека ничего не существует» [1]. Как раз против такого «сна» и выступал митр. Филарет. Благодаря его настойчивости произошел разрыв с киевским богословием, что знаменовало собой переход к высшему богословию, богословию древних св. Отцов. Однако он не избегал и внешней учености, если она отвечала духу веры. Эта позиция стяжала ему много сильных противников, в числе которых оказался и обер-прокурор Святейшего Синода (с 1836 г.) граф Протасов.

Подытоживая итоги развития школы и духовного просвещения в первой половине XIX века, Г.В. Флоровский отмечает следующие важные вехи: (1) было положено основание более ответственному знанию Священного Писания и заложен фундамент русской библеистики; (2) в богословской традиции смыкаются философское умозрение и божественное Откровение – и (3) пробуждение в высшей духовной школе «исторического чувства». Автор высоко оценивает развитие духовного образования в России в этот период: «Духовная школа была, при всех своих пробелах и немощах, школой классической и гуманитарной, и это была единственная связь, соединяющая русскую культуру и ученость с наследием Средневековья и Возрождения. И в этой школе достигалось твердое знание древних языков, отчасти и еврейского» [4, с. 232–233]. Но особой заслугой школы было изучение латыни и греческого, которые выпускники семинарий знали свободно. Также в духовных учебных заведениях, отмечает автор, русская мысль прошла и через школу филологическую и литературную, т. к. студентов академий и семинарий понуждали учиться искусству сочинять и развивали писательский дар и умение.

Тяга общества 20-х годов XIX века к философии развилась из духовных учебных заведений, где она преподавалась повсеместно и без перерывов, в отличие от университетского образования. При этом требовалось, чтобы учащиеся на экзаменах отвечали из своего ума и знания, а не из учебной книги. То есть, поощрялся творческий подход к дисциплине. Высшая философия при этом виделась в самом Откровении. Известно, что именно из духовных академий продолжительное время выходили все университетские профессора философии – Сидонский, Юркевич, Новицкий, Гогоцкий, Михневич и многие другие. Из университета философский идеализм переходит на общество и более всего отпечатывается не в трудах, но в беседах, в московских кружках – обществе Любоумрия, кружке Раича, кружке Полевого, Станкевича, Герцена и т. п. Здесь, в этих кружках впервые определяется различие западников и славянофилов. Для них характерны религиозные искания, независимо от их направления.

Перемены ждали духовную школу во второй половине XIX века. Одной из важнейших черт эпохи стала гласность – в это время бурно развивается пресса, в том числе и религиозная. Появляется целый ряд журналов духовного направления, как в столицах, так и на периферии. «Православное обозрение», «Душеполезное чтение», «Странник», «Духовный вестник», «Чтения общества любителей духовного просвещения» и мн. другие издания пользовались большой популярностью среди читателей. В духовном просвещении появилась потребность высказаться, ставить вопросы, развиваться. Уединение Церкви, начавшееся с эпохи Петра I, должно было быть, наконец, прервано, она жаждала соединения с обществом, с жизнью. Духовенство желало, прежде всего, самопреобразования, возможности дышать с миром одним воздухом. Ревизия духовных учебных заведений, проведенная еще в 60-е годы, показала неудовлетворительность в них именно воспитательной части – отсутствие нравственных устоев, слабость контроля над воспитанниками, а кроме того – и скудость средств и крайнюю бедность. Учебные планы также оказались непрактичными и далекими от потребностей времени. В это время появляется удивительно своевременный проект перестройки всего духовного образования с разделением его на общеобразовательную ветвь (приравняв духовные семинарии по программам и правам к гимназиям, из которых будет облегчен выход из духовного в прочие сословия, а также поступление в университет) и перестроив высшие, богословские классы семинарий в особые пастырские школы, готовившие исключительно священнослужителей. В эти школы должно было быть позволено поступать и подготовленным должным образом и желающим священствовать выходцам из любых сословий. Это был план если не упразднения сословности духовенства, то ликвидации его замкнутости. Этот план, пишет Флоровский, должен был «привести к разложению всей существующей церковно-политической системы, к освобождению Церкви от государства, от его опеки и власти» [4, с. 356].

Но у этого проекта было много противников, и в итоге в 1869 г. был принят новый устав духовных учебных заведений, содержащий лишь бледные призраки плана их реорганизации. В богословские классы семинарий разрешено было принимать выходцев из других сословий по испытанию на знание всего предыдущего курса. Преподавательскому составу предоставлялось право выбирать ректора семинарии, а также широко участвовать в жизни учебного заведения. Достоинством нового устава было также закрепление научного характера этих школ. Их деятельность все больше напоминала деятельность университетов. И, таким образом, хотя духовная школа и приближалась к реальной жизни общества, но все же она, по мнению Флоровского, была отделена от нее сословностью и «семинарской педагогией».

В главе «Накануне» (90-е – начало Первой мировой и революций в России) автор отмечает стремительный поворот общества к религии. В самом марксизме он отмечает «крипто-религиозные мотивы» – мессианство и чувство общественной солидарности. Флоровский даже считает, что именно марксизм, его широкое распространение в просвещенном обществе повлиял на поворот религиозной мысли в сторону православия. К вере

через марксизм пришли о. Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.Б. Струве. В 1901–1903 гг. возникли петербургские «Религиозно-философские собрания» под председательством будущего «советского митрополита» о. Сергия Страгородского, в то время – ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Главный вопрос собраний – как восстановить влияние христианства в образованном обществе? В русском просвещении? Влияние, утерянное еще два века назад, при Петре? Гуманистическое мировоззрение эпохи Просвещения уже не устраивает мыслящих людей, они хотят строить новую антропологию – основанную на христианском умозрении, в центре которого личность, неразрывно связанная с Богом, с высшим, с духовным. «Интеллигенция возвращалась в Церковь, – пишет автор, – с ожиданием реформ» [4, с. 475].

В эти годы вновь встает вопрос о перерождении духовной школы, которая несла свою «западноевропейскую» печать до новейших времен. Вновь появился план разделить ее на школу общеобразовательную и пастырскую, которую сделать сословной. Главной идеей было то, что пастыри должны быть священниками по призванию, а не по своей сословной принадлежности. Только тогда они смогут духовно возглавить общество. Путь светского образования был практически закрыт для семинаристов, что порождало целый класс «пастырей поневоле». В это же время появляется идея женского высшего богословского образования, готовящего педагогов для женских епархиальных училищ, где уровень преподавания был крайне недостаточен.

Философствование в России всегда, во все времена было окрашено религиозными исканиями. Но только в это время общество делает шаг навстречу Церкви: в слоях интеллигенции создается особое направление русской мысли – религиозная философия. С другой стороны, в Церкви всеми силами пытаются сломать перегородки «между клиром и миром», светским и духовным просвещением. То есть, движение общества и Церкви шло навстречу друг другу.

По Флоровскому идеальный путь построения отечественного духовного просвещения – образованность в духе русского византизма. Однако это не простое подражание великой культуре византийской империи, но творческое самостоятельное участие в судьбах европейской культуры, которое ведет к равноправному партнерству в европейской системе ценностей, свободному культурному диалогу с Западом и другими просветительскими традициями. Сумела ли Россия наладить такой диалог? Выдающийся русский ученый Г.В. Флоровский считал его главным творческим заданием Российского просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. // Электронный ресурс: <https://unixone.ru/?p=1937> (дата обращения 10.12.2019).
2. Посадский А.В. Г.В. Флоровский как аналитик русского западничества // Наука, культура и политика русской эмиграции: Сб. ст. и материалов всероссийской научной конференции. СПб, 2004. С. 99–106.
3. Флоровский Г.В. Вера и культура. СПб.: РХГИ, 2002. С. 268.
4. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Репринт. изд. Вильнюс, 1991.

Belenchuk Larisa Nikolaevna

Institute for strategy of education development of the Russian academy of education, Moscow, Russia

Domestic theological school in the works of George Florovsky

Abstract. The article is devoted to the concept of the formation and development of the Russian spiritual school G.V. Florovsky from its inception until the beginning of the 20th century. It analyzes the main periods and directions of creating a system of spiritual education in Russia, the ideas of reforming the spiritual school, beginning with Peter the Great, the activities of Metropolitan Filaret (Drozdov), and the projects of reforming spiritual education in the Alexander era.

Keywords: spiritual education; seminary and academy; reforms of Peter the Great; education; Metropolitan Filaret